

ХЕРСТ И АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВ

Можно начать со слов: «вот уж ничего общего!» И это будет почти абсолютно верно. Смущает только, что для полной убедительности такого суждения надо что-то сделать со словом «искусство», как-то так поделить его на несоприкасающиеся части, чтобы в каждой целиком уместился затронутый феномен и не мешал спокойно существовать другому в его автономной части. Но тогда эти части, раз уж они совсем независимы, для удобства следовало бы и называть различными словами: не будет путаницы и беспокойства.

Так случилось, что, вернувшись из Киева, центральным событием в культурной жизни которого стала беспрецедентная по размаху выставка произведений Дэмиена Херста, я попал на выставку дипломных работ выпускников института имени Репина. Это действительно параллельные миры в смысле неспособности содержательно пересекаться. Говорить о различиях трудно — настолько они очевидны, но надо же как-то привести в порядок голову.

Пресса называет Херста художником номер один, потому что он самый дорогой современный художник: 111 миллионов долларов принес его «персональный» аукцион «Сотбис», в другой раз за 100 миллионов был продан платиновый череп его работы, украшенный бриллиантами. Описывать подробно выставку в киевском «ПинчукАртЦентре» излишне: СМИ уделили ей много внимания. Но несколько слов сказать надо.

Название выставки — «Реквием». Длинную очередь на входе еще можно было бы сравнить с вереницей пришедших на прощание, но скорбных лиц не увидеть ни в ней, ни среди выходящих с выставки.

Три этажа «ПинчукАртЦентра» и специальный павильон во дворе заполнены произведениями на тему смерти: это аквариумы с формалином, в которых плавают целые или распиленные вдоль акулы, большие стеклянные витрины, в которых размещены скелеты различных животных, или целые животные (как овца, правда, с золотыми копытцами), отрубленная голова коровы вместе с жирными мухами (на момент открытия выставки они были живые, а потом сдохли — принесены в жертву искусству), многочисленные пилюли от СПИДа и столь же многочисленные окурки для рака легких. Все витрины безукоризненно дизайнерски выполнены, позолота на их ребрах из нержавеющей стали удостоверяет, что это искусство дорогое.

Есть еще несколько картин, выполненных методом разбрызгивания краски на вращающийся холст, есть повешенная корова, из вспоротого брюха которой вывалились внутренности, несколько панно, напоминающих готические витражи, сделанные из крылышек разноцветных бабочек, мячик, летающий в струях воздуха, пугающий возможностью упасть на поджидающие его внизу ножи и лопнуть, и несколько больших красочных фотографий разных раковых опухолей.

Инвентаризацию выставки можно считать исчерпывающей, если добавить, возможно, главное: написанные за последние два года большие иссиня-черные полотна с черепами, скелетами животных и, по-видимому, разлученными с помощью яда двумя персонажами под дождем в кладбищенской роще. Таких картин — 40, они в дорогих, разумеется, рамах. В Киеве состоялась их мировая премьера.

И как раз картины создают основную трудность при сравнении, а хотелось бы больше — произведения по сторонам того, что делает Херст и что делают выпускники академии, получившие высшие оценки «с одобрением». Если бы Херст ограничился трупами парнокопытных тварей, дохлыми рыбами и мухами, все было бы хорошо: ни ученики, ни выпускники академии такого не делают. Но и Херст, и наши художники пишут картины. Кто лучше? Если ориентироваться на цены, как на воплощение признания и достоинств, то один Херст легко превосходит всех наших учеников, выпускников и академиков, вместе взятых. Если же напирать на идеальное, то тоже ненамного легче станет. Самые авторитетные наши искусствоведы — и Андрей Ерофеев, и Екатерина Деготь, да и другие, более умеренные — легко докажут что-нибудь наподобие того, что именно наша академия и ее адепты бальзамируют труп искусства, а погребальное творчество Херста — по-настоящему новое, современное, живое, то есть contemporary.

И ладно бы еще эти споры, но ведь главное — деньги, Херст их легко и много зарабатывает да еще жертвует на всякую благотворительность, а членам отечественных союзов художников не всегда есть чем заплатить членские взносы, тем более за мастерскую. Что-то же надо делать: или

признать свою неправоту и пока не поздно идти по стопам Херста, или как-то радикально укрепить ряды защитников великих традиционных ценностей подлинного искусства, а то скоро глумливый Херст (а ведь он не один, есть еще целая группа YBA, выведенная в свет рекламным магнатом Саатчи) не оставит камня на камне от последней цитадели классического искусства, каковой является отечественная Академия художеств.

Слабым утешением является то, что в сравнении с нашими мастерами и даже просто выпускниками Херст рисовать не умеет, очень ярко о том свидетельствуют его заблудившиеся ночью под дождем отравленные покойники. Но ему на это наплевать, он и так зарабатывает уйму денег. А нам где их взять? Не скажешь же «а нам и не надо!» Кто поверит?

Тут на передний план выходит другой вопрос — какую роль в искусстве, культуре, жизни общества играют высокие цены и многонулевые ценники. Можно ли сегодня сохранять достоинство в глазах общества, будучи бедным, но гордым или это всегда будет смешно и сильно подозрительно. Есть, конечно, сфера, где законы ценника не действуют, это религия в ее строгом варианте — монашестве. Но современное общество как-то респектабельно религиозно, прекрасно обходится без строгостей, по сути, никогда о них не вспоминая. Тем более искусство — сфера светской духовности. С деньгами вопрос крайне непростой — никто не знает толком, как они функционируют даже в традиционной сфере производства и потребления. Об этом нам рассказывает сегодняшний кризис. А как они функционируют в «производстве и потреблении» искусства? В принципе, этот вопрос практически поставил Энди Уорхол. Именно на его авторитет и опыт ссылается Херст, с удовольствием констатируя, что сегодня стало возможным зарабатывать искусством большие деньги и даже свои траты на благотворительность называет необходимой статьей расходов для успешного маркетинга в сфере искусства. Представляется, что с Уорхолом длится некое недоразумение: поклонники его творчества, и даже непоклонники, ошарашенные непрерывным ростом цен на его произведения, стремятся найти в его работах некие традиционные «пластические» достижения. Это неверно: даже в своих «самых красивых», виртуозных рисунках и портретах он вполне средний художник, каких много — не Матисс и не Пикассо. А вот как выдумщик, человек, придумавший новую стратегию в искусстве, нацеленную специально на «звездный» успех и соответственно на известность и деньги, он действительно серьезный реформатор. Вспомним: Б. Олива назвал его Рафаэлем американского консюмеризма.

Можно сказать, что в развитии современного искусства Уорхол произвел смену парадигм — он перенацелил вектор искусства с формирования идеальных ценностей на достижение вполне материальных. Его успех, естественно, привел и к неким тектоническим сдвигам в теле традиционного искусства. Сегодня в образовавшиеся бреши врываются Херст, Кунс, YBA, прочие contemporary.

Деньги — интереснейший феномен, он воплощает конвенциональную базу функционирования современного общества. Все цены держатся на этом фундаменте, но все ли ценности? Можно ли надеяться показать, что для ценностей искусства существуют и некие основания? Вопрос остается открытым. Можно сделать только несколько замечаний.

Финансовый кризис показал, что деньги — материал не вечный, они могут превращаться в прах многими миллиардами, суммами большими, чем состояние любого Херста.

На последней, ежегодной московской ярмарке для миллионеров раздавались сетования, что настоящих «миллионерских» вещей не привезли, предлагавшиеся предметы роскоши были по карману слишком многим, не самым крутым миллионерам.

Выпендриться по полной на такой ярмарке, показать, кто есть кто, не получится. В этом стремлении выделиться находит выражение благодетельная роль роскоши, это реализация потребности в стендинге, по-видимому, общественно полезный инстинкт, раз он во все времена существует. Кроме того, затраты на роскошь выводят из экономики лишние, шальные деньги, предохраняя ее до некоторой степени от перегрева. Это же самое делает всякая мода, заставляя ради престижа уничтожать материальные ценности, накопление которых грозит коллапсом экономики, этим же заняты и по-настоящему современные художники. Еще в 1995 году Иосиф Бакштейн — нынешний комиссар Московской биеннале, комментируя, на его взгляд, неосмотрительный жест Тимура Новикова, сказал: «Не знаю, зачем это ему нужно, ведь мы занимаемся искусством от кутюр, здесь один неверный шаг — и можно потерять позицию».

Все так. На выставку Херста в Киеве собрались многочисленные звезды искусства и бизнеса из Нью-Йорка, Лондона, обеих российских столиц: Херст делает свое полезное для общества и экономики (да и для себя) дело.

На выставке дипломов в питерской Академии художеств звезд и очередей не было. Но академия делает, по-видимому, общественно полезное дело в современных условиях, она и дальше пойдет своим трудным путем. Но есть чем порадовать и утешить ее выпускников: злые языки говорят, что сам устроитель херстовского лабиринта ужасов в Киеве — Виктор Пинчук занимается этим только ради бизнеса, на самом же деле он любит хорошее традиционное искусство: у него одна из лучших в мире коллекций Константина Коровина. Не дайте блеску бриллиантов на платиновом черепе Херста себя обмануть!